

М. В. Александрова**Имперский замысел в городском пространстве провинции**

Выполнено по гранту РГНФ № 15–03–00655

Статья посвящена исследованию облика Ярославля XVIII–XX вв. в аспекте культурфилософского анализа бытования провинциального общества и личности в модусе пограничности. В статье акцентируется взаимодействие столичной и провинциальной культур в контексте воплощения имперских тенденций в градостроительной политике русской провинции. Феномен имперского сознания, отражающий саморефлексию и мировоззрение провинциального общества, раскрывается на материале отечественных градостроительных программ конца XVIII – первой половины XX в. и попыток их реализации в г. Ярославле. Социокультурный аспект локального опыта организации и реконструкции городского пространства позволяет выявить сущность и динамику развития феномена имперского сознания, проявившегося на грани соприкосновения двух культур, объединенных ментальной парадигмой империи. Объектами исследования являются регулярный план Ярославля 1778 г., генплан «Нового Ярославля» 1924 г. и генплан «Большого Ярославля», отразивший культурную парадигму сталинской эпохи.

Ключевые слова: имперское сознание, модус пограничности, провинция, столица, империя, Ярославль, градостроительство, образ города, архитектура.

M. V. Aleksandrova**Imperial Plan in City Space of the Province**

The article investigates the appearance of Yaroslavl in the XVIII–XX centuries in the aspect of existence of provincial society in the mode of frontier. The article emphasizes the interaction between the capital and the provincial cultures in the context of the embodiment of imperial tendencies in the Russian province of urban policy. The phenomenon of imperial consciousness, embodied self-reflection and the world view of provincial society, disclosed on the material of urban development programmes in the XVIII–XX centuries in the city of Yaroslavl. Socio-cultural experience of the local experience of the organization of urban space reveals the nature and dynamics of the phenomenon of imperial consciousness, which appeared on the verge of the contact between two cultures, united with the mental paradigm of the empire. The objects of study are the plan of Yaroslavl (1778), the plan «New Yaroslavl» (1924) and the plan «Big Yaroslavl», reflecting the cultural paradigm of the Stalin era.

Keywords: imperial consciousness, the mode of frontier, a province, a capital of the empire, Yaroslavl, urban planning, the image of the city, architecture.

Исследование облика и образа провинциального русского города в историко-культурном, социокультурном и ментальном дискурсах акцентирует одну из многоаспектных проблем бытования русского провинциала – феномен имперского сознания, отразившийся как в повседневной ментальной практике, так и в процессах планирования и переустройства городского пространства. Провинциальная культура, с XVIII столетия воспринимавшаяся в России как инвариант традиционной культуры и антитеза культуре столичной, европеизированной [5, с. 112–113], оказалась на грани двух миров, «водораздел» между которыми наглядно отражался на улицах и площадях губернских и уездных городков. Культурная окраина, удаленная от столицы (будь то имперский Санкт-Петербург или, позднее, советская Москва), тяготела к осмыслению и присвое-

нию элементов столичного образа жизни, акцентируя причастность имперским замыслам безликого государства и вместе с тем собственную значимость в его масштабах. Однако и сама империя, немислимая без провинции, нуждалась в экспорте столичных культурных образцов – в частности, модели «идеального города», транслируемой в контексте государственной идеологии. Интерпретация этой менявшейся вместе с эпохой модели в провинциальном сознании и ее воплощение в локальной градостроительной практике приобретала различный характер – от строго формального до гротескового, отражая противоречивость и зыбкость пограничного бытия на стыке двух субкультур, объединенных ментальной парадигмой империи.

Данный аспект отечественной градостроительной политики может быть рассмотрен на

примере Ярославля – города, традиционно сохраняющего в своем облике провинциальные коннотации и вместе с тем весьма амбициозного, претендующего на некую «столичность» – как в течение нескольких минувших столетий, так и сегодня. Феномен имперского сознания как проявление определенной пограничности провинциального бытия отразился здесь и в официально санкционируемых формах переустройства городского пространства, и – с той или иной степенью осознанности – в творческих инициативах и амбициях горожан, в повседневных культурных практиках и образе города. При этом исследование разновременных эпизодов и социокультурных основ ярославского градостроительства отражает не только сущность данного феномена, но и динамику его развития.

Для утверждения имперского сознания в Ярославле существовал ряд исторических предпосылок. Ярославль – один из древнейших русских городов – сыграл значительную роль в истории русского государства и в XVII в., накануне создания Российской империи, уверенно лидировал среди провинциальных центров страны. В этот период Ярославль занимал второе место в государстве и по численности населения, и по торговому обороту, лишь иногда уступая в последнем пункте Казани – нынешней «третьей столице России». При этом ярославские «государевы гости», задерживаясь на сцене истории лишь на одно-два поколения, не были ровней родовитому московскому боярству, ощущая непрочность и даже рискованность собственного жизненного пути между Москвой, Волгой и хождениями «за три моря», баснословным богатством и долговой ямой. Во многом именно амбиции ярославского купечества как наиболее активной части населения, проявились в широкой храмоздательной деятельности, ставшей «Золотым веком» ярославской архитектуры, апеллирующей к столичным масштабам, но вместе с тем заложившей основы уникальной ярославской школы зодчества.

В период становления Российской Империи инициативы ярославцев направляются в русло единой градостроительной политики государства. В 1777 г. по указу Екатерины Великой Ярославль становится губернским центром и практически одновременно, в 1778 г., императрица утверждает регулярный план застройки Ярославля, соответствовавший новым, «имперским» идеалам. Перестройка древних русских городов, как и их дальнейшее развитие, предполагала создание просторных парадных пространств, возведе-

ние архитектурных ансамблей дворцового типа и корпусов Присутственных мест, формировавших целые кварталы. Главной чертой регулярной планировки являлся композиционный прием, основанный на создании геометрически правильной системы с широкими прямыми улицами, квадратными или многоугольными площадями, бульварами и парадными набережными. Ширина улиц по регулярному плану была увеличена до 21 м, в то время как традиционная русская застройка по «Закону Градскому» определяла ширину улицы в 12 стоп (3,5 м). Облик провинциальной застройки – при возведении казенных и частных зданий – формировался по образцовым альбомам, разработанным «Комиссией о каменном строении», заимствуя столичные классицистические эталоны [8, с. 92–96].

Сюжеты, связанные с градостроительными преобразованиями екатерининской эпохи, достаточно известны, поэтому остановимся лишь на некоторых принципиальных моментах. Ярославль оказался вторым, после Твери, этапом екатерининского плана по перепланировке древних городов. Важно отметить, что на сегодняшний день его облик, благодаря бережному отношению к историко-архитектурному наследию, по-прежнему сохраняет следы этого градостроительного эксперимента, сохранив преемственность в развитии застройки исторического городского ядра на протяжении пяти столетий.

Проект перепланировки Ярославля 1778 г. был признан одним из самых удачных градостроительных мероприятий екатерининской эпохи. При этом немалую роль в его разработке сыграл первый ярославский генерал-губернатор Алексей Петрович Мельгунов. Известно, что уже после утверждения плана императрицей он самовольно внес в него изменения, соответствующие нуждам и историческим традициям города. В частности, вопрос заключался в размещении ансамбля Присутственных мест не на Стрелке, на месте древнего кремля (как это предполагалось по первому варианту плана), а гораздо ближе к деловым кварталам города, что обеспечило возможность создания широкой центральной площади, от которой – как средоточия губернской власти – лучами расходились все главные улицы Ярославля [4, с. 68].

В целом, в новом, «мельгуновском», плане губернского Ярославля, получившем дальнейшее развитие в XIX в., нетрудно обнаружить ряд аналогий со столичным эталоном – застройкой Санкт-Петербурга. Здесь, как и в столице, сло-

жила система трех площадей, расположенных параллельно реке, переходящих одна в другую и образующих единое парадное пространство. Для Петербурга XVIII–XIX вв. такими площадями выступали Дворцовая, Адмиралтейская и Сенатская, в Ярославле это площадь Присутственных мест (позднее Ильинская, ныне – Советская пл.), Плацпарадная (ныне – пл. Челюскинцев) и Соборная площадь на Стрелке.

В данном ракурсе могут быть рассмотрены и другие детали ярославской застройки имперского периода. Как и Дворцовая площадь Петербурга, центральная для Ярославля Ильинская площадь была отделена от набережной дворцом – в данном случае резиденцией ярославских губернаторов, возведенной в эпоху Александра I. На Плацпарадной площади, служившей продолжением Ильинской, в 1829 г. была установлена Демидовская колонна – монумент в честь мецената Павла Григорьевича Демидова, основателя Ярославского высшего наук училища (позднее – Демидовского лицея, ныне – ЯрГУ им. П. Г. Демидова). И по расположению, и по замыслу Демидовский столп Ярославля апеллировал к столичному образцу – Александровской колонне, эскиз которой разрабатывался Огюстом Монферраном и широко обсуждался общественностью в этот период. Примечательно и то, что сама Плацпарадная площадь Ярославля так же, как и столичная Адмиралтейская, в конце XIX в. прекратила свое существование, уступив место скверу. Александровский сад у Адмиралтейства был разбит в 1874 г., а идея его устройства принадлежала президенту Русского общества садоводства адмиралу С. А. Грейгу [9, с. 43]. По часто цитируемой петербургской легенде, Грейг ежедневно наблюдал пустынное и пыльное пространство Адмиралтейской площади из окна своего кабинета, пока, наконец, не предложил озеленить его. Аналогичная история бытовала и в Ярославле: в 1875 г. инициатором разбивки сквера на месте пыльной и утратившей значение Плацпарадной площади стал городской голова И. А. Вахромеев, чей особняк также выходил окнами на площадь [6, с. 72]. Вместе с тем «скучный вид» едва ли мог послужить причиной подобного решения провинциального градоначальника, если бы за ним не угадывались столичный пример и тенденция к озеленению и демократизации парадных городских пространств империи.

Безусловно, Ярославль, выступавший в XIX в. рядовым губернским центром, был весьма далек от столичных масштабов градостроительной ак-

тивности. Однако имперский замысел проявлялся и в облике провинциальных торгово-деловых кварталов. Эстетические идеалы ярославцев отражали ярославский Гостиный двор с эффектной классической колоннадой, застройка «попитерски», то есть «сплошной фасадой», и наконец, эффектные особняки и доходные дома, о которых Иван Аксаков не без иронии писал: «Роскошь в городе страшная. Мебель, квартиры, одежда – все это старается перещеголять и самый Петербург» [1, с. 19].

Подражание столице, как осознанное, закрепленное в градостроительных и архитектурных проектах, так и не вполне рефлексируемое, отражалось и в расхожих (и впрочем, неоригинальных) присказках «Ярославль городок – Москвы уголок», «Рыбинск-городок – Питера уголок». Выступая народными интерпретациями имперского мышления, они отражали стремление выделиться до столичного эталона, претензии «быть не хуже» и одновременно «быть как все». Доходило и до того, что бойкое село Вятское Ярославской губернии, застроив пару улиц каменными домами, высказывалось о себе в том же духе – «Вятское-городок – Петербурга уголок» [7].

Интенции провинциального сознания, отражающие пограничность бытия активной и творческой личности между хорошо знакомым, но далеким Петербургом и сельской глушью, окружавшей уездные городки и усадьбы, явственно проявлялись в застройке дореволюционного Ярославля. Однако и в советский период, когда термин «империя», получив негативные коннотации, исчез из реалий провинциальной действительности, локальный градостроительный опыт Ярославля по-прежнему обращается к элементам имперского сознания, не изжитого ни с приходом нового строя, ни с утратой городом статуса губернского центра (в 1929–1936 гг. Ярославль входил в состав Ивановской промышленной области).

Период становления новых основ отечественной градостроительной политики в Ярославле, как и в советском государстве в целом, связан с бурными дискуссиями урбанистов и дезурбанистов о принципиально новом подходе к организации городской среды и быта горожан, создании домов-коммун и городов-садов, проектах «соцгорода». Проект реконструкции Ярославля, разработанный в 1918–1924 гг., стал первым генеральным планом города советского периода и на официальном уровне был призван стать эталоном для социалистических городов новой «импе-

рии». Многие планировщики и архитекторы 1920-х гг. отрицали наличие в соцгороде центра в старом его понимании как элитного района. Наиболее интенсивное строительство осуществлялось на периферии Ярославля, где возводились «рабочие поселки» и объекты социальной инфраструктуры, воплощавшие идеалы нового коммунального быта. Архитектурное решение первенцев советского градостроительства, возводившихся по канонам пролетарского стиля – «конструктивизма», воплощало идеалы равенства и практичности на грани аскетизма. При этом в новых кварталах Ярославля предусматривалось создание парадных, имиджевых пространств – площадей и широких проспектов, куда более масштабных, чем в имперском, «екатеринском» плане Ярославля. Впрочем, на практике и центральная часть Ярославля сохранила свой исторически сложившийся статус, изменив лишь социальное наполнение: административные здания, где прежде располагались губернские власти, а также наиболее заметные памятники жилой застройки передавались под размещение новых государственных структур. В элитных особняках и бывших гостиницах устраивались Дома коммуны для партработников. Пролетариат как новый класс-гегемон спешил занять адреса бывших господ. При демонстрации своего статуса новая власть пользовалась старыми, имперскими приемами. Престижные кварталы «благоустроенного» Екатериной Ярославля по-прежнему соответствовали идеальным представлениям «человека массы» о своем месте в масштабах империи, о своем праве на завоеванные ею блага.

С начала 1930-х гг. в советской действительности начинают преобладать тенденции к стабильности, созданию жестких рамок для творчества. Установка на стандарт, имперские масштабы преобразований дополняются имперской же тягой к зримому воплощению статуса, незыблемости государства. В генеральном плане Ярославля 1936 г., получившем символическое название «Большой Ярославль», пространство проектировалось как «единая система городских ансамблей, имеющих завязку в комплексе общегородского центра» [3]. Вполе осознавая себя имерией, советское государство приступает к формированию нового имиджа. Вопрос о преодолении «художественной бедности» сооружений решался централизованно. В 1934 г. вышло постановление о создании новой советской архитектуры, способной полностью отразить величие

и красоту социалистической эпохи, для чего было предложено обратиться к изучению мирового архитектурного наследия. На смену конструктивизму в советское градостроительство приходит неоклассицизм, переродившийся впоследствии в «сталинский ампи́р». Как и тоталитарные режимы Европы, советская «империя» обращается к архитектурным идеалам империй прошлого – Мощь, Польза и Красота.

Возвращение на улицы городов величавых колоннад, помпезных арок и украшенных лепниной нарядных фасадов объяснялось изменением культурных и бытовых запросов населения страны, претендующего на достижения империи: «В период голого рационализма в проектировании выстроен ряд зданий казарменного типа – стандартных домов-коробок. Требование качества, улучшения культурно-бытовых условий трудящихся резко изменилось. Выстроенные дома не могут быть признаны удовлетворительными, они требуют коренного внутреннего изменения и внешней архитектурной реконструкции...»

Ярким примером смены приоритетов в архитектуре Ярославля стал жилой дом на углу Советской площади. Проект ярославского инженера А. В. Федорова, разработанный в 1928 г. при содействии корифея советской архитектуры И. И. Князева, отражал рационализаторский подход и аскетизм конца 1920-х гг. Однако строительство затянулось, а проект был скорректирован [10, с. 152]. В итоге два крыла дома, возведенные с разницей в 10 лет, наглядно воплощают резкий переход от конструктивистской лаконичности к богатому русту, нарядным капителям и поистине дворцовому пафосу элитных сталинских многоэтажек.

Такие же тенденции отразились и при возведении «Дома-подковы» по проекту архитектора И. П. Дубова. Выстроенный к 1934 г., он изначально был спроектирован в конструктивистском ключе, но затем получил «обогащенное» декоративное оформление. Со стороны центральных улиц он выглядит гигантской опрокинутой аркой. Однако величественное, как римский Колизей, здание буквально обескураживает своей конструктивистской «изнанкой». Огромный двор со строгими, практически лишенными декора фасадами словно обнажает подлинный аскетизм советского быта, скрывавшийся за имперской торжественностью речей и демонстраций.

Тема «триумфальной арки» настолько пришла в Ярославле ко двору, что за несколько предвоенных лет практически ни один проект

местных зодчих не пренебрегал этим выразительным архитектурным приемом. Наибольшую известность получил «дом с аркой» на Красной площади, возведенный в 1934 г. по проекту столичных архитекторов М. П. Парусникова и И. Н. Соболева. Принимая участие в создании генплана Москвы, этот творческий дуэт работал над обликом улицы Горького, «служившей для встречи героев, народных шествий и празднеств» [10, с. 134]. Столь же почетную роль, но в провинциальных масштабах, играла и ярославская Красная площадь. Композиционным ядром грандиозного здания стала арка высотой в четыре этажа, прозвучавшая подлинным гимном имперской монументальности. Массивные боковые ризалиты и венчающая фасад галерея придавали дому сходство с исполинскими городскими воротами. Однако при всей помпезности «дом с аркой» наглядно демонстрировал принципы братства и коллективизма: открытый двор-колодец величиной с квартал плавно переходил в огромную площадь, а малая арка, располагающаяся напротив большой, создавала «визуальную воронку», затягивающую каждого в водоворот общественной жизни.

Позднее перед парадным фасадом «дома с аркой», на месте уничтоженной Семеновской церкви возникла новая доминанта площади – памятник В. И. Ленину. В застройке Ярославля 1930-х гг. сохраняется тенденция использования значимых локусов дореволюционной застройки для пропаганды завоеваний новой власти. Очищая город от «Варвар-великомучениц и Симеоностолпников, мешающих превращению Ярославля из епархиально-купеческой колыбели в доподлинно социалистический город» [11], советская эпоха возводила на месте уничтоженных храмов знаковые памятники сталинского неоклассицизма. Символично, что огромное и подавляющее своей мощью ярославское здание НКВД было построено на месте, прежде занимаемом церковью Святого Духа.

На месте Екатерининского и Варваринского храмов, воспетых Леонидом Трефолевым, вырос жилой дом по проекту С. В. Капачинского – один из самых показательных образцов архитектуры сталинского периода в Ярославле. Образцом для него послужил известный проект Ивана Жолтовского – дом на Моховой улице в Москве, а тот, в свою очередь, во многом повторил формы Палаццо дель Капитанио в Виченце, построенного Андреа Палладио в XVI в. Богатым декором фасадов, крупными, на три этажа, полуколоннами дом на

Советской создавал великолепный антураж для праздничных шествий. Однако подобная монументальность в провинциальных масштабах выглядела гипертрофированной, вызывая критику мэтров отечественного градостроительства: «Фасад палаццо Капитанио в Виченце имеет четыре колонны, дом на Моховой – восемь колонн, создающих мощный архитектурный аккорд, а жилой дом работников ярославской железной дороги... уже целую колоннаду в восемнадцать колонн. Чувство меры утеряно, архитектурный аккорд низведен до значения скучного метрического ряда», «торжественная колоннада... бесконечно чужда той интимной, радостной легкости, которую естественно ждать от жилого дома...» – писал журнал «Архитектура СССР» в августе 1939 г. [10, с. 148]. Впрочем, в Ярославле проект Капачинского, столь соответствующий духу времени, а возможно, и вечному желанию провинции «догнать и перегнать» столицу, был принят на ура. Секретарь ярославского обкома ВКП(б) распорядился выстроить копию шумевшего дома на углу площади Карла Маркса, где число полуколонн возросло до семидесяти двух [2, с. 85]. Что это, как не «имперские амбиции» провинции, с ученическим прилежанием копировавшей столичные образцы?

Преимущество градостроительных традиций Ярославля, ставшая основой включения исторического центра города в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, предоставляет богатый материал для исследований и для культурфилософского анализа бытования личности в модусе пограничности. Воплотившись в облике провинциального города, феномен имперского сознания во многом отразил саморефлексию, творческие поиски и мировоззрение ярославцев, реализующих свои жизненные идеалы на грани соприкосновения двух культур.

Библиографический список

1. Аксаков, И. С. Письма к родным (1849–1856) [Текст] / И. С. Аксаков. – М. : Наука, 1994. – 653 с.
2. Аметова, М. Советский Ярославль: индустриальный центр в системе регулярной планировки XVIII века [Текст] / М. Аметова // Проект Россия. – 2004. – № 33. – С. 77–92.
3. Баранов, Н. В. Пути реконструкции центрального района [Текст] / Н. В. Баранов // Северный рабочий. – 1934. – № 195. – С. 3
4. Дутов, Н. В. Неосуществленный проект [Текст] / Н. В. Дутов // Губернский город. – 2011. – № 4. – С. 66–69.
5. Злотникова, Т. С. Человек. Хронотоп. Культура: Введение в культурологию [Текст] / Т. С. Злотникова.

Издание 3-е, доп. и переработ. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. – 332 с.

6. Кабанова, Л. В. И. А. Вахромеев – городской голова, меценат, коллекционер [Текст] / Л. В. Кабанова // Ярославль купеческий: история и современность. – Ярославль : МУ «Гор. науч.-метод. центр соц. политики», 2006. – С. 71–74.

7. Кудинова, Л. Вятское – село хватское [Текст] / Л. Кудинова // Сельская газета. – 2012. – № 30. – С. 3.

8. Маров, В. Ф. Ярославль : Архитектура и градостроительство [Текст] / В. Ф. Маров. – Ярославль : Верхняя Волга, 2000. – 216 с.

9. Певницкая, А. А., Антонова, И. С. История насаждений Александровского сада [Текст] / А. А. Певницкая, И. С. Антонова // Общество, среда, развитие (Terra Humana). – 2011. – № 3. – С. 42–50.

10. Сапрыкина, Н. С. Советская архитектура Ярославля: реальность и виртуальность. [Текст] / Н. С. Сапрыкина. – Ярославль : ЯГТУ, 2006. – 496 с.

11. Северный рабочий. – 1932. – № 189. – С. 4.

Bibliograficheskij spisok

1. Aksakov, I. S. Pis'ma k rodnym (1849–1856) [Текст] / I. S. Aksakov. – М. : Nauka, 1994. – 653 с.

2. Ametova, M. Sovetskij Jaroslavl' : industrial'nyj centr v sisteme regul'arnoj planirovki XVIII veka [Текст] / M. Ametova // Proekt Rossija. – 2004. – № 33. – С. 77–92.

3. Baranov, N. V. Puti rekonstrukcii central'nogo rajona [Текст] / N. V. Baranov // Severnyj rabochij. – 1934. – № 195. – С. 3

4. Dutov, N. V. Neosushhestvlenyj proekt [Текст] / N. V. Dutov // Gubernskij gorod. – 2011. – № 4. – С. 66–69.

5. Zlotnikova, T. S. Chelovek. Hronotop. Kul'tura.: Vvedenie v kul'turologiju [Текст] / T. S. Zlotnikova. Izdanie 3-е, dop. i pererabot. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2011. – 332 с.

6. Kabanova, L. V. I. A. Vahromeev – gorodskoj голова, mecenat, kollekcioner [Текст] / L. V. Kabanova // Jaroslavl' kupecheskij: istorija i sovremennost'. – Jaroslavl' : MU «Gor. nauch.-metod. centr soc. politiki», 2006. – С. 71–74.

7. Kudinova, L. Vjatskoe – selo hvatskoe [Текст] / L. Kudinova // Sel'skaja gazeta. – 2012. – № 30. – С. 3.

8. Marov, V. F. Jaroslavl' : Arhitektura i gradostroitel'stvo [Текст] / V. F. Marov. – Jaroslavl' : Verhnjaja Volga, 2000. – 216 с.

9. Pevnickaja, A. A., Antonova, I. S. Istorija nasazhdenij Aleksandrovsogo sada [Текст] / A. A. Pevnickaja, I. S. Antonova // Obshhestvo, sreda, razvitie (Terra Humana). – 2011. – № 3. – С. 42–50.

10. Saprykina, N. S. Sovetskaja arhitektura Jaroslavlja: real'nost' i virtual'nost'. [Текст] / N. S. Saprykina. – Jaroslavl' : JaGTU, 2006. – 496 с.

11. Severnyj rabochij. – 1932. – № 189. – С. 4.